

РОЛЬ МУСУЛЬМАН УЗБЕКИСТАНА В СОХРАНЕНИИ ТРАДИЦИЙ МОСКОВСКОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ В XVII - НАЧАЛЕ XIX ВВ

XVII - XIX ASR BOSHLARIDA MOSKVA MUSULMON JAMOASI AN'ANALARINI SAQLAB QOLISHDA O'ZBEKISTON MUSULMONLARINING O'RNI

THE ROLE OF MUSLIMS FROM UZBEKISTAN IN PRESERVING THE TRADITIONS OF THE MOSCOW MUSLIM COMMUNITY IN THE 17TH - EARLY 19TH CENTURIES

KHAYRETDINOV Damir Zinyurovich,

Center for Islamic Studies,

Moscow Islamic Institute

Candidate of Historical Sciences (PhD), Director

2 Kirova Ave., Moscow, 109382, Russia

E-mail: khair2009@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1170-4480>

DOI: 10.47980/PAU/2025/4/2

Аннотация. В статье исследуется вклад выходцев из Бухары и Хивы в развитие исламской жизни Москвы XVII - начала XIX вв. На основе дореволюционных трудов и архивных источников рассматриваются Бухарский и Хивинский посольские дворы, их функции и значение в торгово-дипломатических связях с ханствами Средней Азии. Особое внимание уделено Татарской слободе Замоскворечья - центру мусульманской жизни, где веками проживали татары, бухарцы, хивинцы и другие народы. Здесь в 1823-1824 гг. была построена мечеть на Большой Татарской улице, ставшая духовным центром общины.

Впервые подробно освещается деятельность бухарского купца Назарбая Алибаевича Хошалова - инициатора и благотворителя строительства первой каменной мечети Москвы (Исторической). Приводятся сведения о его семье, торговой и общественной деятельности. Также рассмотрены имамы из Хивы - Бакей-сейид Абдулов, Махмет-Салих Мухамметов и Девлет-Али Маликов, руководившие духовной жизнью мусульман XVII века.

Работа показывает, что Татарская слобода была не только религиозным, но и культурным центром, где сохранялись традиции исламского благочестия и образования. Исследование раскрывает новые документы и подчеркивает вклад центральноазиатских мусульман в формирование духовного и культурного облика Москвы.

Ключевые слова: Татарская слобода Москвы, мусульмане, Хива, Бухара, Историческая мечеть Москвы.

Аннотация. Мақолада Бухоро ва Хива вакилларининг XVII - XIX аср бошларида Москвадаги ислом турмуш тарзига ривожига қўшган ҳиссаси ўрганилган.

Инқилобгача бўлган тарихий манбалар ва архив ҳужжатлари асосида Бухоро ва Хива элчихоналари қабул уйлари, уларнинг вазифалари ҳамда Москва давлати билан Марказий Осиё хонликлари ўртасидаги савдо-дипломатик алоқалардаги ўрни таҳлил қилинган. Алоҳида эътибор Замоскворечье ҳудудидаги Татар слободасига - асрлар давомида татарлар, бухороликлар, хиваликлар ва бошқа мусулмон халқлар истиқомат қилган диний марказга қаратилган. 1823-1824 йилларда бу ерда Катта Татарская кўчасида масжид барпо этилиб, у мусулмон жамоасининг маънавий марказига айланган.

Биринчи марта бухоролик савдогар Назарбой Алибаевич Хошаловнинг фаолияти батафсил ёритилган. У Москвадаги биринчи тош масжид - ҳозирги Тарихий масжид қурилишининг ташаббускори ва ҳомийси бўлган. Унинг оиласи, савдо ва жамоат ишларидаги фаолияти ҳақида маълумотлар келтирилади. Шунингдек, XVII асрда Москва мусулмонларининг маънавий ҳаётига раҳбарлик қилган хивалик имомлар - Бакей-сейид Абдулов, Махмет-Солиҳ Мухамметов ва Девлет-Али Маликов фаолияти ҳам таҳлил этилган.

Тадиққот натижаларига кўра, Татар слободаси нафақат диний, балки маданий марказ бўлиб, унда исломдаги тақво ва таълим анъаналари сақланиб қолган. Мақола янги ҳужжатлар асосида Москвадаги марказий осийлик мусулмонларнинг – айниқса, бухоролик ва хиваликларнинг - маънавий ҳамда маданий манзарани шакллантиришдаги ҳиссасини ёритади.

Калит сўзлар: Москва татар слободаси, мусулмонлар, Хива, Бухоро, Москва тарихий масжиди.

Abstract. The article explores the contribution of natives of Bukhara and Khiva to the development of Islamic life in Moscow from the 17th to the early 19th centuries. Based on pre-revolutionary historical works and archival sources, the study examines the Bukhara and Khiva diplomatic courtyards, their functions, and their role in the trade and diplomatic relations between the Moscow state and the Central Asian khanates. Special attention is given to the Tatar Sloboda in Zamoskvorechye - a center of Muslim life where Tatars, Bukharans, Khivans, and other ethnic groups lived for centuries. In 1823-1824, a mosque was built on Bolshaya Tatarskaya Street, becoming the spiritual center of the Muslim community.

For the first time, the article details the activities of the Bukharan merchant Nazarbai Alibaevich Hoshalov - the initiator and benefactor of the construction of Moscow's first stone mosque, now known as the Historical Mosque. Biographical information is provided about his family, commercial work, and social engagement. The activities of imams from Khiva - Bakei-seyid Abdulov, Makhmet-Salih Mukhammetov, and Devlet-Ali Malikov - who led the spiritual life of Moscow's Muslims in the 17th century are also examined.

The study shows that the Tatar Sloboda was not only a religious but also a cultural center where Islamic piety and educational traditions were preserved. Based on newly discovered documents, the article highlights the contribution of Central Asian Muslims in Moscow—particularly those from Bukhara and Khiva—to the formation of the city's spiritual and cultural landscape.

Keywords: *Tatar Sloboda of Moscow, Muslims, Khiva, Bukhara, Historical Mosque of Moscow.*

ВВЕДЕНИЕ

Татарская слобода российской столицы, располагавшаяся в течение многих веков в восточной части Замоскворечья - уникальное историческое и этнокультурное явление. Проживавшие в ней мусульмане - татары поволжские, крымские, выходцы из Бухары, Хивы, Коканда, турки и представители других народов - находились в самом центре российского суперэтнуса (по определению Л.Н. Гумилева), ядром которого была и остается русская нация. Соответственно, в каждом поколении нужно было прилагать немало усилий с тем, чтобы не ассимилироваться в этом «плавильном котле». Общинным центром этой слободы была мечеть на Большой Татарской улице 1823/24 г. постройки (ныне известна под названием Исторической мечети), а в роли «хранителей» духовности, обрядов и традиций выступали ее имамы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Татарская слобода Замоскворечья, которая являлась заметной «иноземной слободой» столичного города, возникла не позже XVI в. и просуществовала до второй половины XX в. Столь длительное существование в крупнейшем городе России автономного квартала, населенного представителями татарской и близкородственных наций, само по себе является феноменом, достойным серьезного исследования. Однако идеологическая заданность российской дореволюционной и советской исторической школы не позволили историкам уделить хоть какое-либо внимание Татарской слободе г. Москвы. Общеизвестно, что на протяжении нескольких веков непрерывно в Москве существовали лишь две общины, которые «носили не столько этнический, сколько конфессиональный характер», - это Немецкая (для лютеран) и Татарская (для мусульман) слободы (Ларюшкин О.В., 2014:29). И если первой посвящено огромное количество научных и публицистических материалов - главным образом потому, что порядки и бытовой уклад жителей Немецкой слободы были восприняты царями из династии Романовых, Алексеем Михайловичем и Петром Алексеевичем, в качестве эталонных, - то Татарская слобода все еще остается на периферии внимания научного сообщества.

Выявление новых документов в различных архивохранилищах страны позволяет пролить свет на историю Московской Татарской слободы. Множество

документов, освещающих жизнь Татарской слободы Москвы, все еще ждут своего исследователя. Главная проблема заключается в том, что они хранятся в самых разных фондах многих архивохранилищ столицы, Уфы, Санкт-Петербурга и других городов России и большая часть этих документов еще даже не обнаружена. При написании настоящей работы были использованы в том числе и нововыявленные, ранее не введенные в научный оборот источники из ряда российских государственных архивов, в т.ч. Российского государственного архива древних актов, Центрального государственного архива Москвы, Национального архива Республики Башкортостан (Уфа).

Татарская слобода была не единственным местом компактного проживания мусульман в Москве. По распространенной версии, в Замоскворечье напротив устья Яузы до XVII в. располагалось Бухарское подворье - в квартале, образованном Раушской набережной, 2-м Раушским переулком, Садовнической улицей и Большим Устьинским мостом. Эта местность называлась Заяицкое (Яик - прежнее название реки Урал); первые труды по истории Москвы возводили этот топоним к «заяицким татарам, торговавшим в Москве бухарскими товарами» (Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского. Ч. 3. М., 1831:279-280). И.М. Снегирев пишет о родстве топонима с «именем потомка брата Батыева, Шейбана Заецкаго, также Заяицкаго хана, известного Москве в 1360 г.» (Снегирев И.М., 1875:123) Развивший эту мысль дальше москвовед А.А. Шамаро полагает, что здесь было Бухарское подворье - посольство Бухарского ханства (Шамаро А.А., 1997:99).

Посольство Хивинского ханства - Хивинский двор, предположительно, мог размещаться в урочище Шивая горка, изначальное название которой - Шива - произошло вследствие искажения названия Хива (Кондратьев И.К., 1999:397) (ныне северная часть Гончарной улицы в районе Таганки, примерно в 800 метрах к востоку от предполагаемого Бухарского двора).

Действительно, контакты Московской Руси с государствами Центральной Азии фиксируются издревле. Еще при Иване III в Москву впервые прибыли послы Чагатайского государства - одного из четырех чингизидских улусов, на которые распалась Монгольская империя (История Москвы с древнейших времен до наших дней. М., 1997:99). Контакты со среднеазиатскими правителями становятся особенно интенсивными с XVI в.; послы из Хивы и Бухары просили в Москве «дорогу для гостей» - то есть разрешения на свободную продажу товаров купцами из Средней Азии. В 1583-1600

гг. мы насчитываем 8 бухарских, 3 хивинских и 2 казахских посольства. Главными предметами товарооборота Московии с этими странами являлись, с одной стороны, красные кожи, бараньи шкуры, шерсть, деревянная посуда, узды и седла, с другой - различные изделия из хлопчатой бумаги, шелка и краски (Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI-XVII вв. Вып. 3. Л., 1932:65-67).

Даже во второй половине XVIII в. в северо-восточной части Замоскворечья фиксируется двор бухарского купца мурзы Рахима Шарыпова. В отличие от других местных мусульман, мурза Р. Шарыпов проживал в Овчинной слободе в Руновском переулке (Николаев И.Н., 1883). Владение бухарского купца лежало примерно в 400 метрах к югу от предполагаемого старого Бухарского двора в районе Раушской набережной. Это и приводит нас к мысли, что названные нами историки не ошиблись: бухарцы селились в северо-восточной части Замоскворечья, видимо, помня о своем старом подворье.

Что касается посольств Нового времени, то в память о посольстве из Хивы 1731 г. между Покровской и Рогожской заставами, где оно останавливалось, еще в конце XIX в. сохранялась улица Хива и Хивский переулочек (совр. Добровольческая улица и переулочек) (Снегирев И.М. Указ. соч. С. 123.). Кроме того, «Исторический путеводитель» 1831 г. сообщает, что во времена императрицы Екатерины II дом Азиатских посланников находился на Ордынке (Москва, или Исторический путеводитель... Ч. 3. С. 290.).

Мусульманские приходы имелись и в Белом городе, а именно - на подворье хивинского султана Афган-Мухаммеда в период 1622-1648 гг. (совр. адрес: ул. Маросейка, 11) и во дворце касимовского хана Арслана и его сына султана Сеид-Бурхана (совр. адрес: ул. Мясницкая, 7) (Хайретдинов Д.З., 2019:13-20). Так, нам известен имам московских мусульман в 1633-1640 гг., выходец из Хивы Бакей-сейид Абдулов (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1642 г. Д. 4. Л. 1), проживавший на дворе хивинского султана, где существовал собственный мусульманский приход числом до 50 человек. О факте лидерства сейида Б. Абдулова в татарской общине Москвы свидетельствует его первая подпись под челобитной о незаконной распахке ямщиками земли Татарского кладбища за Калужскими воротами в 1637/38 г. (отдельную челобитную по этому же вопросу писал также и его патрон, хивинский султан Афган-Мухаммед) (РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. 1638/39 г. Д. 636). Следующие два имама московских мусульман

также были по происхождению хивинцами, которые долгие годы проживали в Астрахани и затем вызывались в Москву для работы в Посольском приказе: это Махмет-Салих Мухамметов (Мамет-Селий Маамметев (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 6.)) с декабря 1640 по 1648 гг., и Девлет-Али абыз-Аббасов сын Маликов (Меликов) с 1649 до 1683 гг (Кулмаматов Д.С., 1994:39). Последний несколько раз указан в Переписной книге в качестве жителя московской Татарской слободы: в 1669-1676 гг. (Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. 1886:18). Его местожительство удалось определить благодаря недавно составленной нами схеме Татарской слободы 1670-х гг.; согласно ей, Маликов имел домовладение в самом центре слободы, на углу Большой Татарской улицы и нынешнего Озерковского переулочка к северу от переулочка. Не исключено, что хозяином этого участка до него являлся М.-С. Маамметев, умерший за год до появления здесь Д.-А. Маликова: представляется логичным, что абыз, духовный лидер общины, должен проживать в центре Татарской слободы (Хайретдинов Д.З., 2024:71-72).

При одном из этих имамов в Москве и ее окрестностях произошло весьма печальное событие: разрушение по приказу властей всех иноверческих храмов, случившееся, если сравнить с известными данными других авторов, в 1643 г. Описавший это коштунство сын антиохийского патриарха Павел Алеппский, который в середине XVII в. некоторое время жил со своим отцом в Москве, по этому поводу сообщил следующее. «В этом городе [Москве] живет много франкских купцов из немцев, шведов и англичан, с семействами и детьми. Прежде они обитали внутри города, но нынешний патриарх [Никон], в высшей степени ненавидящий еретиков, выселил их... Он заставил царя выселить их не только из этого города, но даже из всех других и из крепостей и укреплений, поселив их вне города; не выселяли лишь тех, которые крестились [в православие]. Их церкви, принадлежавшие им издревле, разрушили, вместе с татарскими мечетями, и не позволили построить другие за городом среди их жилищ» (Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Вып., 1898:78-79).

Попытка локализовать эти мечети видна у дореволюционного историка И.К. Кондратьева: «В Замоскворечье исстари находилась Татарская слобода, потому что татары селились большей частью близ тех концов Москвы, в которые они въезжали из своей Орды. По уничтожении владычества татар и по принятии ими подданства России [т.е. после «стояния» на реке Угре 1480 г.]

они обжились там как в своем отечестве, настроили мечетей благодаря веротерпимости наших государей и расселились по другим смежным и дальним улицам, дав им и свои названия, например: Ордынка, Балчуг, Таганка» (Кондратьев И.К., Год публикации неизвестен:348). Хотя автор обобщает факты, важно его «точное попадание» в список вышеназванных местностей. Действительно, Раушская набережная с возможным Бухарским двором упирается одним концом в Балчуг, о связи Хивинского подворья и Таганки мы рассуждали выше.

Впоследствии у жителей Татарской слободы имелась своя деревянная мечеть, которая несколько раз указывается в источниках XVIII в. Однако после эпидемии чумы 1771-1772 гг. многие ее прихожане умерли, земельный участок был продан другим владельцам и ветхое здание мечети было разобрано (Хайретдинов Д.З., 2021:123-143). На долгие десятилетия жители Татарской слободы остались без богослужебного здания. Их попытки получить разрешение на постройку каменной мечети (в 1805, 1816 гг.) оказались безуспешными в силу сопротивления со стороны правительственных и церковных властей (Хайретдинов Д.З., год публикации неизвестен:183-190). Так, митрополит Московский Платон в 1805 г. писал генерал-губернатору А.А. Беклешеву по поводу просьбы муфтия Мухаммеджана Хусаинова (Гусейнова) разрешить строительство мечети в Москве: «Известно, что царствующий град Москва, бывший под мучительным игом татарским, колико привержен к своей православной вере и колико при том отвратителен к магометанской религии; а потому устройство Татарской мечети в сей столице может во всех произвести неудовольствие и соблазн...» (Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 16. Оп. 3. Д. 1217. Л. 6-6об).

И все же спустя несколько лет была построена каменная мечеть, сохранившаяся по сей день и известная как Историческая мечеть. Обращает на себя внимание личность нового мецената, построившего новое богослужебное здание. Это московский купец 1-й гильдии из бухарцев Назарбай Алибаевич Хошалов (1791-1832). Вследствие ошибки в документации XIX в. его фамилия часто писалась как Хашалов, Хашхалов, Хамалов и даже Хашаров; подлинная фамилия читается в арабской графической системе: Хушхалов, от тюрк. «хуш хал» («добрые дела») (Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ)) (Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-295. Оп. 3. Д. 126. Л. 3.). Он «народился в Бухарии», ближе к 1817 г. приехал в Москву и по настоянию отца был причислен здесь к купеческому сословию. В одном из дел сохранился его словесный портрет:

«Лицом смугл, глаза карие, нос средний, волосы на голове и бороде черные». В 1820 г. московский имам Сейфуль-Мулюк Асхапов привел Назарбая к присяге «на вечное подданство России» (ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 10).

Молодой Назарбай женился уже в Москве на дочери местного купца из числа касимовских татар Абдул-Карима Исакова, по имени Габида. В 1819 г. ей было 15 лет и она была приписана к отцовскому семейству (ЦГАМ. Ф. 14. Оп. 7. Д. 114), в 1823 г. она уже не значится в семье своего отца - вероятно, уже будучи в замужестве за Н.А. Хошаловым. В Москве же у них родился сын Абдулла-Бай Хошалов. После смерти Назарбая в Санкт-Петербурге 15 июня 1832 г. опекуном малолетнего внука стал Абдул-Карим Исаков (ЦГАМ. Ф. 50. Оп. 5. Д. 9953. Л. 9, 12об., 14об.-15; см. также: ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 7. Д. 1. Л. 1, 9.).

Н.А. Хошалов, будучи мусульманином и по происхождению иностранцем, с чьей-то подсказки попробовал сразу продвинуться в самые верхи московского общества. На 1822-1825 гг. он был записан в купечество по 1-й гильдии, с капиталом в 50 000 рублей (впоследствии, в силу начавшихся финансовых проблем, уровень был понижен: на 1827 г. - по 2-й гильдии с капиталом в 20 000 рублей, и уже на 1828 г. - выписан в мещане) (ЦГАМ. Ф. 51. Оп. 18. Д. 266. Л. 18об.-19). В 1824 г. он был избран в действующие члены общества меценатов Московской практической академии коммерческих наук, пожертвовав в пользу этого престижного заведения 500 рублей (Глебов И., Иванов Д., 1860:106-107). Он также успел посотрудничать с востоковедными кругами: в мае 1824 г. он привез в Санкт-Петербург экземпляр «Бабур-наме» - рукопись со списка 1710 г., выполненного в Бухаре муллою Абдуль-Ваххабом Гидждувани; эта книга тогда же была переписана ориенталистом, переводчиком Коллегии иностранных дел О.И. Сенковским (Дмитриева Л.В., Мугинов А.М., Муратов С.Н., 1965).

Н.А. Хошалов смог сделать то, чего не смогли другие, как раз по причине своего независимого статуса и колоссального состояния. Во-первых, купец 1-й гильдии, миллионер - совсем не ровня другим обывателям, будь то мусульмане или немусульмане. Во-вторых, Назарбай - бухарец, то есть отнюдь не столь сервильен по отношению к властям, как московские татары. Н.А. Хошалов - по большому счету, это некий аналог для XIX столетия олигарха, который считает, что ему-то уж дозволено всё. А там, где дозволения нет, он купит его за деньги... Или за большие деньги.

Его отец, миллионер Алибай Хушалов, скончавшийся в 1822 г., оставил своим наследникам

огромное состояние и земельный участок в Сретенском переулке в Москве. Алибай завещал потратить 20 тысяч голландских червонцев на «построение в Бухарии народного училища», и еще 8 тысяч червонцев на его содержание (итого 322 тысячи рублей по курсу того времени). Всего же его имущество оценивалось в более чем 1 миллион 116 тысяч рублей! (НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 126. Л. 6, 39) Однако сразу после вступления в права наследства Назарбай и его брат Рузибай затеяли тяжбу против своей «мачехи» (ЦГАМ. Ф. 51. Оп. 18. Д. 84. Л. 310), второй жены Алибая - весьма деловой татарки Райханы Измайловой. Братья Хошаловы также поругались с соседом и компаньоном отца Кадыр-Али Юсуповичем Измайловым, за которого в итоге вышла замуж их мачеха Райхана (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 4. Д. 819. Л. 1-10б).

Назарбай сорил деньгами в различных торговых и финансовых операциях; в мае 1826 г. он состоял под следствием в связи с «сокрытым якобы им, Назарбаем, капитале, принадлежащем астраханскому купцу Ниязу Юсуповичу Измайлову, более миллиона рублей» (НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 126. Л. 38об). Документы, книги, товары Н.А. Хошалова были опечатаны по претензиям астраханского купца Н.Ю. Измайлова, который требовал от него возврата 1 миллиона 80 тысяч рублей, находившихся в доверительном управлении (были вложены в товары) у его скончавшегося в 1822 г. компаньона Алибая Хошалова (ЦГАМ. Ф. 54. Оп. 175. Д. 1541. Л. 1, 21-21об). В свою очередь, долги разных купцов и обывателей перед Назарбаем Хошаловым оценивались им самим в 800 тысяч рублей (Там же. Л. 250). Разбирательство шло несколько лет, какое-то время сначала Измайлову, а потом Хошалову пришлось провести в тюрьме, дело слушалось в Сенате и дошло до самого императора Александра I. (Там же. Л. 18, 21, 274-276, 362об) Следствие опечатало документы Назарбая и для изъятия некоторых важных дел потребовались письменные просьбы в адрес российских властей от премьер-министра Бухарского ханства Мухаммада Хаким-бая Кушбеги и министра духовных дел, бывшего муфтия Абдулгафара-ходжи (Там же. Л. 18, 21, 274-276, 362об). Н.А. Хошалов «прожил все свое имение, ...растратил суммы, назначенные отцом его на богоугодные пожертвования, так что ни товаров, ни имения - как здесь в Москве, так и в Санкт-Петербурге - ничего не осталось и не найдено, сверх того задолжал частным людям и Конторе коммерческого банка до 400 000 рублей», - писали его оппоненты в марте 1828 г. (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 4. Д. 819. Л. 11). Ничего не стоило ему, с его-то состоянием, «причинить тяжкую обиду старшему надзирателю Нижегородского Ярмарочного Гостиного двора,

губернскому секретарю Е.С. Кастальскому» (ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 7. Л. 9) или «оклеветать чиновника по особым поручениям Его превосходительство Ф.М. Тургенева», который даже хотел привлечь Хошалова «судиться уголовным порядком» (правда, так и не привлек) (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 4. Д. 819. Л. 30об). Во время грандиозного скандала 1827-1828 гг. в спор вокруг капитала Н.А. Хошалова оказались втянуты почти все татарские и бухарские купцы Москвы (ЦГАМ. Ф. 54. Оп. 175. Д. 1541. Л. 357-358об.). В итоге власти постановили исключить Назарбая из купечества в 1828 г. (Московские ведомости. 21.03.1828 г. №23. С. 1054).

Но нет худа без добра. Несмотря на всю его необузданность, Назарбай Хошалов вошел в историю прежде всего как созидатель, построивший на специально выкупленном для этого участке в Замоскворечье каменную мечеть. Пожалуй, только такая фигура и смогла бы в тех непростых условиях морального давления на мусульман со стороны властей, выкупить землю именно для строительства мечети. Н.А. Хошалов даже смог добиться того, что Строительная комиссия сделала роковую для нее надпись на плане «для постройки мечети» (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 4. Д. 316) - чего не смог добиться до него ни один из местных татар.

Землевладение, где появилась мечеть, соседствовало с землей купца Абдул-Карима Исакова (тестя Н.А. Хошалова). В одном из источников по Пятницкой части за 1823 г. говорится о том, что в доме купца Абдула Хашхалова проживает 41-летний бухарский купец Кари Шарив Баю, торгующий чаями (ЦГАМ. Ф. 14. Оп. 7. Д. 2273. Л. 113). Хотя номер участка не указан, не вызывает сомнения, что речь идет о домовладении, где в итоге была построена мечеть. Предыдущим хозяином этого участка - ориентировочно, с 1816 г. - был татарин Максют Мусаев. В двух «Окладных книгах поземельного сбора» за 1823 г. мы видим устаревшую и частично ошибочную информацию: хозяином участка №294а (до 1819 г. - №279) назван татарин Аксюттов (правильно - Максют Мусаев), площадь незастроенной земли - 497 кв. саженей (т.е. 2260 кв. метров) (ЦГАМ. Ф. 14. Оп. 7. Д. 2039; Д. 2036. Л. 101об). Данные обновляются только в «Алфавитном списке жителей Пятницкой части» за 1825-1828 гг. Здесь записано, что татарин Максют Мусаев жительство имеет в Мясницкой части (вероятно, туда его переманил Назарбай Хошалов, ведь там у него был огромный особняк), а в Пятницкой части ему принадлежит «обгорелая земля в 3 квартале под №294, доставшаяся по купчей, на которой выстроен магометанский молитвенный дом» (ЦГАМ. Ф. 14. Оп. 7. Д. 3499. Л. 57об). В действительности же у данного земельного участка уже был новый хозяин,

который и выстроил каменное здание мечети - Назарбай Хошалов.

В июле-августе 1823 г. братья Назарбай и Рузибай Хошаловы находились на Нижегородской Макарьевской ярмарке (НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 126. Л. 16 об). Сразу после их возвращения в Москву в августе 1823 г., не дожидаясь окончательного разрешения властей на постройку именно мечети, на участке №279/295 началось возведение каменного одноэтажного здания. Встревоженный этим обстоятельством 9 сентября московский архиепископ Филарет задал вопрос новому генерал-губернатору Москвы князю Д.В. Голицыну: «Действительно ли от высшего начальства на строение мечети дано позволение, и с таким ли обязательством, чтобы сего столь чуждаго богослужения публичных оказательств, каков публичный крик [азан], не было, согласно с известными секретными постановлениями о веротерпимости?». На том же документе стоит резолюция князя Д.В. Голицына московскому обер-полицмейстеру от 21 сентября: «Написать, чтобы крику [т.е. азана] никакого не было, и выдать план для построения дома для купца просителя, а не для мечети [т.к. без минарета и купола], а в доме он может по обряду своему богослужения отправлять уже» (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 4. Д. 316. Л. 4-4 об).

Через четыре дня окончательно разнервничавшийся генерал-губернатор Д. В. Голицын издал несколько постановлений по вопросу строительства мечети. Именно в этих документах мы видим кульминацию «компромисса» между властями и мусульманами о строительстве этого «столь чуждого для Москвы» объекта. «Татарское общество допустить к построению дома для богослужения можно, но с тем, чтобы дом сей, будучи обыкновенного вида с прочими обывательскими домами, не имел снаружи ни малейшего признака мечети... Чтобы отнюдь дом сей строим не был в виде мечети, [далее дописано] и не назывался бы мечетью» (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 4. Д. 316. Л. 4-4 об).

Жители Татарской слободы были вынуждены согласиться с ультиматумом властей. Понятно, что никакого разрешения императора на строительство мечети, как об принято рассуждать в современных публицистических изданиях, не было; ни о каких заслугах татар или прочих мусульман перед престолом в ходе Отечественной войны с Наполеоном говорить в этой связи не приходится; никакого уважения к исламу в этих документах не найти при всем желании. Но москвичи-мусульмане решили действовать согласно поговорке: «хоть горшком назови, только в печь не ставь». Очевидно, что если бы они продолжали упорствовать в своих требованиях построить мечеть «как в Казани» и «только по разрешению правительства», как

они хотели в 1816 г. (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 2442. Л. 21-21об), они бы еще долго не смогли обрести официального богослужебного здания. В результате у них появилось постоянно действующее богослужебное здание, которое мы сегодня называем Исторической мечетью.

Документы на строительство мечети были получены только осенью 1823 г., то есть в этот год само строительство не могло быть закончено. Первоначальное здание мечети - небольшое, оно могло быть построено за один сезон 1824 г. В документе 1825 г. здание названо как «Общественный молитвенный татарский дом» (ЦГАМ. Ф. 14. Оп. 16. Д. 78. Л. 50об). В документе 1827 г. говорится: «В Пятницкой части находится дом московского купца Назарбая Хошалова - в Татарской улице, называемый “Татарская мечеть”, каменная, крытая железом, выстроена его капиталом» (ЦГАМ. Ф. 54. Оп. 175. Д. 1541. Л. 253). Поскольку дело о необеспеченных взаимных долгах целого ряда купцов разрасталось, в сентябре 1827 г. Московский коммерческий банк предписал описать дом Н.А. Хошалова в Пятницкой части, но в октябре власти получили информацию о том, что «в Пятницкой части жилого дома купца Хошалова не состоит, кроме Татарского молитвенного, выстроенного Хошаловым на собственный капитал» (ЦГАМ. Ф. 54. Оп. 175. Д. 1541. Л. 325, 335, 357).

Здание нового молитвенного дома было одноэтажным и не примечательным. Мусульмане смирились с требованием властей и сделали молитвенный дом таким, как это было предписано градоначальником. Много позже, на рубеже XIX-XX вв., общество станет трактовать события 1820-х гг. - по сути, самовольного строительства частной мусульманской молельни - как факт толерантной политики империи; так, имам Замоскворецкой мечети Хайретдин Агеев писал в 1896 г.: «соборная мечеть здесь в Москве с незапамятных времен Правительством отведена на Большой Татарской улице, что [в] Пятницкой части, 1 участка, почему она получила название свое: раньше “Татарская слобода”, а ныне [Татарская] улица - где и совершаются все торжественные молебствия без малейшего недоразумения более века» (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 84. Д. 179. Л. 36-36об).

Разумеется, никаких эсхатологических последствий от введения в строй мечети, как того могли ожидать церковные иерархи, не случилось. Уже в начале 1830-х гг. один из авторов книги по московской статистике спокойно замечает: «Теперь находится в Москве церковей иностранных: лютеранских 2, католических 2, английского исповедания 2, армянских 3... Магометане также имеют свой молитвенный Храм» (Андроссов В.,

1832:119). Спустя несколько лет данный объект появляется и на карте Москвы, причем в легенде особо указано: «Пятницкая часть, в ней церковей - 18, татарская мечеть - 1» (П. Щепкин. М., 1836).

Приложения

1. Рапорт московского обер-полицмейстера А.С. Шульгина генерал-губернатору Москвы князю Д.В. Голицыну с предысторией проблемы и вопросом, дозволяется ли строить мечеть на участке Н.А. Хашалова. 1.08.1823 г. (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 4. Д. 316. Л. 1-2 об. Подчеркивания - как в оригинале).

<л.1> [вх.] № 5574. 1 августа, 1823.

Московскому военному генерал-губернатору, господину генералу от кавалерии и кавалеру князю Голицыну

Московского обер-полицмейстера генерал-майора Шульгина

Рапорт.

Прошлого 1817-го года марта 2 числа за № 774 от предместника Вашего сиятельства покойного графа Александра Петровича Тормасова, вследствие отношения к нему г-на Главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий, получил я предписание: объявить находящемуся в Москве <л.1об.> Татарскому Обществу, что ежели оное признает неудобным отправлять богослужение свое в частных домах, то могут они, ежели пожелают, купить чей-либо в слободе их обывательский дом для богослужения, или вновь оный для сего построить, но с тем, чтобы дом сей, будучи обыкновенного вида с прочими обывательскими домами, не имел снаружи ни малейшего признака мечети.

На сие доносил я в рапорте ж от 13-го апреля того же года № 1824, что выше прописанное положение оному Обществу объявлено, которое в сведениях при том рапорте представленных объяснило: что хотя в домах и отправляется богослужение, но не так удобно, как в мечети; построить же или нарочно купить для сей мечети дом, без приличного по обряду их признака, не согласны; а желают оную устроить, ежели <л.2> только от правительства позволено будет, наподобие существующих в городе Казани и прочих местах мечетей.

Ныне из Комиссии для строений в Москве выдана просителю копия с утвержденного Вашим сиятельством плана на постройку на пустопорожней земле московского 1-й гильдии купца Назарбая Алибаева сына Хашалова, лежащей Пятницкой части в 3 квартале под № 294, каменного одноэтажного корпуса для мечети - с тем, ежели он, Хашалов, имеет на сию постройку от высшего начальства позволение.

Донеся об оном Вашему сиятельству, имею честь испрашивать начальственного ж разрешения предписания на предмет тот, дозволить ли Хашалову постройку означенного строения для отправления <л.2об.> в оном помянутого богослужения?

Генерал-майор Шульгин. [исх.] № 6173. 1 августа 1823 года.

2. Ведомость домовладельцев, получивших разрешение на строительство жилья и нежилых домов, направленная из Комиссии для строений в Московскую Городскую Думу. 20.08.1823 г. Выписки (ЦГАМ. Ф. 14. Оп. 8. Д. 366. Л. 42-43, 46).

<л.42> [бланк:] Комиссия для строений в Москве. Экспедиция 1-я. Стол 2-й.

Августа 20 дня 1823 г. [исх.] №4725.

В Московскую Городскую Думу.

Комиссия при сем препровождает ведомость о дозволенных ею, по утвержденным планам и данным дозволениям, в обывательских домах и на их землях, строениях, с 1-го июля по 1-е число сего августа. Советник [подпись]

<л.43> Ведомость о дозволенных Комиссиею для строений в Москве, по утвержденным ею планам и данным дозволениям, в обывательских домах и на их землях, строениях, с 1-го июля по 1-е августа 1823 года.

№ плану	В какой части и квартале и под каким №	В чьем доме или на земле	Как позволено построить строение, во сколько этажей, и какой оные длины и ширины, и под каким №
<л.46> 7290	Пятницкой. 3 квартала. № 294.	На земле 1-й гильдии купца Назарбая Хашалова	№ 2-й: каменный одноэтажный корпус для мечети, длиною на 8, шириною на 4 сажень и 2-х аршинах. В выступе длиною две, шириною одна сажень. № 3: в пристройке длиною 3 сажени с аршином, шириною 4 аршина.

[размеры здания мечети: 8 сажень = 17,07 м; 4 сажени 2 аршина = 9,96 м; 2 сажени = 4,27 м; 1 сажень = 2,13 м; размеры пристройки: 3 сажени 1 аршин = 7,11 м; 4 аршина = 2,84 м].

3. Обращение архиепископа Московского Филарета к генерал-губернатору Москвы князю Д.В. Голицыну с просьбой уведомить, на каких основаниях дозволяется строить мечеть в Москве. 9.09.1823 г. Резолюции князя Д.В.

Голицына. 21.09.1823 г. (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 4. Д. 316. Л. 4-4 об).

<л.4> [вх.] № 58. [надпись сверху рукой архиепископа:] Секретно

[внизу:] Его сиятельству господину Московскому военному генерал-губернатору и кавалеру князю Дмитрию Владимировичу Голицыну

Сиятельнейший князь, Милостивый государь!

Замоскворецкого сорока церкви Великомученика Никиты, что в Татарской, священник Василий Никитин донес мне, что живущие в том приходе татары, коих числом около 30 душ мужеска пола, а дворов их 9, доньше исправляли свое богопоклонение в разных домах. И открытые онаго знаки были только те, что они в известные времена громким голосом с возвышенных мест созываемы были к своим обрядам. А ныне начали строить, как значится в плане, данном из Комиссии для строений в Москве, особенный каменный корпус для мечети богослужения.

Копия с плана выдана от Комиссии для строений с тем, если он имеет на сию постройку от высшаго начальства позволение.

Посему долгом поставляю я покорнейше просить Ваше сиятельство о уведомлении, действительно ли от вышнего начальства на строение мечети дано позволение, и с таким ли обязательством, чтобы сего столь чуждаго богослужения публичных оказательств, каков публичный крик [т.е. азан], не было, согласно с известными секретными <л.4об.> постановлениями о веротерпимости.

С истинным почтением и преданностию имею честь быть Вашего сиятельства, Милостивого государя [рукой архиепископа:] покорнейший слуга и богомолец Филарет, архиепископ Московский. [исх.] № 302. 9 сентября 1823 года.

[резолуции князя Голицына:] 21 сен. 1823. Потребовать справку от г.[осподина] М.[осковского] пол[и]ц.мей[стера] и план, данный Комиссией.

21 сен. 1823. Написать Преосвященному, что по силе разрешения М.[инистра] Дух.[овных] дел дозволено иметь дом, чтоб некоторых признаков не имел. Комиссия по стройке сочла, что уместно строить дом для мечети.

г.[осподину] Шульгину. Написать, чтобы крику [т.е. азана] никакого не было, и выдать план для построения дома для купца просителя, а не для мечети, а в доме он может по обряду своему богослужения отправлять уже.

4. Ответ генерал-губернатора Москвы князя Д.В. Голицына архиепископу Московскому Филарету с разъяснениями об условиях строительства молебного дома Татарского общества. Черновик. 25.09.1823 г. (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 4. Д. 316. Л. 5-6 об)

<л.5> Филарету. [исх.] № 4273. 25 сентября, 1823.

Ваше высокопреосвященство, Милостивый государь!

По поводу просьбы находящегося в Москве Татарского общества о дозволении построить молебный дом, г.[осподин] Главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий, в прошлом 1817 году, уведомил предшественника моего, покойного графа Тормасова, что то Общество, ежели признает неудобным отправлять богослужение свое в частных домах, то могут они, ежели пожелают, купить чей-либо в слободе их обывательский <л.5об.> дом для богослужения или вновь оный для сего построить; но с тем, чтобы дом сей, будучи обыкновенного вида с прочими обывательскими домами, не имел снаружи ни малейшего признака мечети.

Сообразуясь с сим, я дал знать г.[осподину] М.[осковскому] обер-полицмейстеру, что Татарское общество к построению дома для богослужений допустить можно, но с соблюдением учиненного в отношении г.[осподина] главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий ограничения.

<л.6> А как ныне усмотрел я, что Комиссия строек в Москве в выданном плане на постройку дома на земле купца Хашалова, лежащей в Пятницкой части, сказала, что оный выдан на постройку мечети, то сию подпись, как несогласную с постановлением правительства на сей счет, предложить ее переменить. Г.[осподину] обер же полицмейстеру предписал запретить крик [т.е. азан], производимый татарами для созыва к их обрядам, и допустить к построению дома не в виде мечети, <л.6об.> а как обывательский, в коем могли бы татары по своим обрядам отправлять богослужение.

О чем уведомляю Ваше высокопреосвященство на отношение Ваше, М.Г. [милостивый государь] мой, ко мне от 19 числа сего сентября за № 302. Честь имею быть с совершенным почтением и преданностию. [подпись]

5. Предписание генерал-губернатора Москвы кн. Д. В. Голицына московскому обер-полицмейстеру об условиях разрешения на строительство мусульманского молебного дома. Черновик. 25.09.1823 г. (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 4. Д. 316. Л. 7-8).

<л.7> [исх.] № 4272. 25 сентября, 1823.

М.[осковскому] обер-полицмейстеру

Сообразуясь с отношением г.[осподина] Главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий к предместнику моему покойному графу Тормасову в 1817 году, последовавшим по поводу просьбы находящего[ся]

в Москве Татарского общества, о мотельном доме, я на рапорт Вашего пре[восходительст]ва от 1-го числа прошлого августа за № 6173 дал Вам ответ от 6 того же августа № 3375, что Татарское общество <л.7об.> допустить к построению дома для богослужения можно, но с тем, чтобы дом сей, будучи обыкновенного вида с прочими обывательскими домами, не имел снаружи ни малейшего признака мечети.

А ныне в выданной из Комиссии строений копии с фасада для постройки на земле купца Хашалова дома сказано, что она дается для построения мечети, что несогласно с постановлениями правительства на сей <л.8> счет, то предложив Комиссии о перемене той надписи, Вашему пр[евосходительству] нужным нахожу предписать, чтобы крику, какой обыкновенно люди Татарского общества дельвали с возвышенных мест для созыва к своим обрядам [т.е. азана], отнюдь впредь производимо не было. План же выдан для постройки дома на земле купца Хашалова, в коем он может по обряду своему отправлять богослужение, но чтобы отнюдь дом сей строим не был в виде мечети, [дописано] и не назывался бы мечетью.

6. Решение Комиссии для строений в Москве о надписях на чертежных планах по строительству Замоскворецкой мечети. 28.09.1823 г. (ЦГАМ. Ф. 163. Оп. 4. Д. 151. Л. 625-628об).

<л.625> К журналу 28 сентября 1823 [года]. 1-й экспедиции по 2-му столу.

[№] 6413. Слушали: предложение Его сиятельства г[осподина] московского военного генерал-губернатора и кавалера [князя Д.В. Голицына], коим, изъясняя, что г[осподин] Главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий в 1817 году, по поводу просьбы находящегося в Москве Татарского общества, о дозволении устроить мотельный дом, уведомил предместника Его сиятельства <л.625об.> графа Тормасова, что Татарское общество, ежели признает неудобным отправлять богослужение свое в частных домах, то могут они, ежели пожелают, купить чей-либо в слободе их обывательский дом для богослужения, или вновь оный для сего построить, но с тем, чтобы дом сей, будучи обыкновенного вида с прочими обывательскими домами, <л.626> не имел снаружи ни малейшего признака мечети. В прошлом августе месяце г[осподин] московский обер-полицмейстер донес Его сиятельству, что татары желают построить на пустопорожней земле московского купца Назарбая Алибаева сына Хошалова, лежащей Пятницкой части в 3 квартале под № 294, каменный одноэтажный корпус для мечети.

Его сиятельство, соображаясь <л.626об.> с упомянутым уведомлением г[осподина] Главнокомандующего духовными делами

иностранных исповеданий, отвечал г[осподину] обер-полицмейстеру, что Татарское общество для богослужения своего допустить построить дом можно, но с тем, чтобы дом сей, будучи обыкновенного вида с прочими домами обывательскими, не имел снаружи ни малейшего признака мечети. <л.627> Но ныне по поводу отношения к Его сиятельству высокопреосвященного Филарета, архиепископа Московского, истребовав план, выданный из сей Комиссии на постройку того дома, нашел, что в надписи на фасаде сказано, что она выдана для постройки мечети.

Находя сие несогласным с постановлениями правительства на сей счет, Его сиятельство поставляет <л.627об.> на вид сей Комиссии, что ей не следовало выдавать плана на постройку мечети. А потому, препровождая при том копию с плана, Его сиятельством наддранную¹, предлагает надпись ту переменить, сказав именно, что выдана она на постройку дома купцу такому-то, нисколько не упоминая о мечети.

Приказали: <л.628> Согласно предложению Его сиятельства, скопировав с утвержденных плана и фасада копии, надписать на них, что оные выданы на постройку дома московскому 1-й гильдии купцу Назарбаю Алибаеву сыну Хашалову. По подписании Комиссиею взнести на утверждение Его сиятельству. По утверждении подлинные хранить с прочими, а на копиях, учиня надписи, выдать Хашалову с распискою. А Его сиятельству <л.628об.> г[осподи]ну московскому военному генерал-губернатору и кавалеру донести рапортом; и дело затем почислить решенным.

[Подпись]. Советник [подпись]. Инспектор [подпись]. Секретарь Протопопов.

7. Рапорт московского обер-полицмейстера А.С. Шульгина генерал-губернатору Москвы князю Д.В. Голицыну об исполнении предписания на запрет азана и названия «мечеть» для дома Н.А. Хошалова. 28.09.1823 г. (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 4. Д. 316. Л. 12-12 об).

<л.12> [вх.] № 7288. 29 сент., 1823. Копия.

Московскому военному генерал-губернатору, господину генералу от кавалерии и кавалеру князю Голицыну

Московского обер-полицмейстера генерал-майора Шульгина

Рапорт

Во исполнение предписания Вашего сиятельства от 25-го сего сентября за № 4272-м, чтобы крику, каковой обыкновенно Татарское общество дельвали с возвышенных мест для созыва к своим обрядам [т.е. азана], отнюдь впредь производимо не было

¹ То есть генерал-губернатор порвал предыдущий план, выданный для строительства мечети.

<л.12об.>, и чтоб дом, в коем купец Хашалов может по обряду своему отправлять богослужение, отнюдь строим не был в виде мечети и не назывался бы мечетью, я не оставил учинить по сему предмету должное исполнение, о чем Вашему сиятельству имею честь донести.

Генерал-майор Шульгин. [исх.] № 7501. Сентября 28 дня 1823 года.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андроссов, В. (1832). Статистическая записка о Москве (с. 119). Москва.
2. Глебов, И., & Иванов, Д. (1860). История Московской практической академии коммерческих наук (с. 106-107, 132-133). Москва.
3. Дмитриева, Л. В., Мугинов, А. М., & Муратов, С. Н. (1965). Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Том I: История (с. 91). Москва: Наука.
4. Кондратьев, И. К. (б.г.). Указанное сочинение (с. 348).
5. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 126. (л. 6, 16 об., 38 об., 39). Национальный архив Республики Башкортостан.
6. Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. (1886). Москва (с. 18, 68, 73).
7. Щепкин, П. (ценз.). (1836). План столичного города Москвы. Москва.
8. Павел Алеппский. (1898). Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским (Вып. 3, с. 78-79). Москва.
9. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 4. (1642). Российский государственный архив древних актов (л. 1).
10. Кулмаматов, Д. С. (2020). Подбор и подготовка восточных переводчиков и толмачей Посольского приказа в XVII в. Восток (Oriens), (4), 64-68.
11. Кулмаматов, Д. С. (н.д.). XVI-XVII асрларда Москвада Элчилик девони шарқ таржимонлари ва тилмочлари мактабининг шаклланиши тарихи ҳақида. Илмий-методик электрон журнал. Извлечено с www.journal.fledu.uz.
12. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1648). Российский государственный архив древних актов (л. 6).
13. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 5. (1657). Российский государственный архив древних актов (л. 90).
14. РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 636. (1638/1639). Российский государственный архив древних актов.
15. Хайретдинов, Д. З. (б.г.). Татарское Замоскворечье: неизвестные страницы истории (с. 183-190, 276-277, 282-285).
16. ЦГАМ. Ф. 14. Оп. 7, 8, 16; Ф. 16, 32, 50, 51, 54, 84, 163. (разные годы). Центральный государственный архив Москвы (различные дела и листы: л. 1-2 об., 6-6 об., 12-12 об., 18 об.-19, 36-36 об., 42-43, 46, 50 verso, 57 об., 101 об., 113, 253, 325, 335, 357, 625-628 об. и др.).
17. Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). (б.г.). Ф. 16. Оп. 3. Д. 1217. (л. 6-6 об.).

REFERENCES

1. Androssov, V. (1832). Statisticheskaya zapiska o Moskve (p. 119). Moscow.
2. Glebov, I., & Ivanov, D. (1860). Istoriya Moskovskoy prakticheskoy akademii kommercheskikh nauk (pp. 106-107, 132-133). Moscow.
3. Dmitrieva, L. V., Muginov, A. M., & Muratov, S. N. (1965). Opisanie tyurkskikh rukopisey Instituta narodov Azii. Tom I: Istoriya (p. 91). Moscow: Nauka.
4. Kondratyev, I. K. (n.d.). Ukazannoye sochinenie (p. 348).
5. National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fond I-295, Opis 3, Delo 126 (folios 6, 16 verso, 38 verso, 39).
6. Perepisnye knigi goroda Moskvyy 1665-1676 gg. (1886). Moscow (pp. 18, 68, 73).
7. Shchepkin, P. (censor). (1836). Plan stolichnogo goroda Moskvyy. Moscow.
8. Pavel Aleppskiy. (1898). Puteshestviye antiohiyskogo patriarkha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka, opisannoye ego synom arkhidiakonom Pavlom Aleppskim (Vol. 3, pp. 78-79). Moscow.
9. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fond 138, Opis 1, Delo 4 (1642) (folio 1).
10. Kulmamatov, D. S. (2020). Podbor i podgotovka vostochnykh perevodchikov i tolmatchey Posol'skogo prikaza v XVII v. Vostok (Oriens), (4), 64-68.
11. Kulmamatov, D. S. (n.d.). XVI-XVII asrlarda Moskvada Elchilik devoni sharq tarjimonlari va tilmochlari maktabining shakllanishi tarixi haqida. Ilmiy-metodik elektron jurnal. Retrieved from www.journal.fledu.uz
12. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fond 138, Opis 1, Delo 1 (1648) (folio 6).
13. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fond 138, Opis 1, Delo 5 (1657) (folio 90).
14. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fond 159, Opis 2, Delo 636 (1638/1639).
15. Khayretdinov, D. Z. (n.d.). Tatarskoye Zamoskvorechye: neizvestnye stranitsy istorii (pp. 183-190, 276-277, 282-285).
16. Central State Archive of Moscow (TsGAM). Fonds 14, 16, 32, 50, 51, 54, 84, 163; Opis 7, 8, 16 (various years). Various files and folios (folios 1-2 verso, 6-6 verso, 12-12 verso, 18 verso-19, 36-36 verso, 42-43, 46, 50 verso, 57 verso, 101 verso, 113, 253, 325, 335, 357, 625-628 verso, etc.).
17. Central State Archive of Moscow (TsGAM). (n.d.). Fond 16, Opis 3, Delo 1217 (folios 6-6 verso).